

Андрей
Анисимов

Мастер
и Афродита

«Белый лист.

Ничье пространство.

Из него надо построить свой мир».

Андрей Анисимов

Мастер и Афродита

«Автор»

2002

Анисимов А. Ю.

Мастер и Афродита / А. Ю. Анисимов — «Автор», 2002

Кто она? Это не так-то просто объяснить... С одной стороны – наглая, хваткая хищница-провинциалка, не выбирающая средств в «покорении столицы». Но – с другой? С другой же, она – МУЗА. Божественная прекрасная муза талантливого художника. Не женщина даже, но – «вечная женственность». Не любовница, но – ЛЮБОВЬ. Великая, неистовая любовь, без которой для подлинного творца не существует ни творчества, ни самой жизни...

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Анисимов

Мастер и Афродита

Русскому живописцу Валентину Ивановичу Полякову посвящается

Часть первая

1

– Ща зашибу! Не погляжу, что отец! Лариса, мать твою, куда подевалась?! Как жрать, так все тут...

С грохотом отворив ногой облезлую, крашенную когда-то голубой краской калитку, Шура втащила во двор отца Гришку – тощего мужика в одном сапоге.

Сама Шура в линиялом халате и рваных шлепанцах, разметав медного цвета гриву, зло вертелась по сторонам, но никого не увидела. Младшая сестра Лариса вылетела из кухни в одной комбинации, заматывая полотенцем мокрые волосы, и запричитала:

– Господи, месяц ведь не пил! Горюшко...

Вдвоем девушки пристроили мужика на скамейку.

– Скотина! Мать пьянством загубил, за нас принялся?! На-ка, выкуси! – Шура ткнула в нос отцу выразительный кукиш и оглядела сестру. – А ты почему днем в исподнем? Голову намыла?! Опять на танцульки?! Только принеси мне в подоле ублюдка, утоплю вместе с ним! Нашла где задницей вертеть!

В нашей дыре только ухажеров и искать!

– Шур, у нас там чего-нибудь не найдется? А? – икнув, спросил Гриша жалобным голосом.

Шура сорвала с головы сестры мокрое полотенце и сильно ударила отца по лицу:

– Нашлось! Вот и еще нашлось! И еще...

Лариса попробовала заступиться, но тоже получила. В соседней хате вместе со ставнями распахнулось оконце, и курносая круглолицая бабка Глафира, набрав воздуха, пискнула на все Матюхино:

– Караул! Девки родного отца убивают!!! Он вас кормил! Он вас поил!..

Шура резко обернулась:

– А ты, старая сука, чего лезешь в чужой двор?!

– Раскрыла пасть поганую, девушка называется!

Кто тебя, такую гадину, замуж возьмет? – сообщила Глафира тонким голосом.

Шура метнулась в сарай, гремя ведрами и распугивая кудахтающих кур, выскочила во двор с двуствольным охотничьим ружьем:

– Поговори мне, ведьма! Ща пристрелю!

Глафира быстро захлопнула оконце, засеменила в глубь горницы, вздохнув, перекрестилась на образа и присела на диван. На диване, застеленном вышитым, поблекшим от времени и стирок покрывалом, Глафира иногда сидела и слушала радио. Из черной дребезжащей тарелки узнавала она новости об успехах социализма и происках вредных капиталистов, живущих мечтой загубить рабоче-крестьянский союз. Иногда, притомившись, дремала под голос диктора. Ночевала Глафира в каморке, пристроенной к кухне. Горницу содержала в музейной чистоте. На двуспальную кровать с никелированными шишечками не ложилась с тех пор, как в последний год войны почтальониха Никитина подала ей страшный треугольник. Оставшись вдовой с

двумя малыми детьми на руках, Глафира не успела опомниться, как стала старухой. Затыкая голодные рты сыновей, добывая тяжким бабьим трудом самое необходимое, она не заметила собственную жизнь...

Сосед Гриша вырос при ней. Глафира про себя отмечала, как из долговязого подростка сложился ладный парень. Уже взрослой бабой, истосковавшейся по мужику, подглядывала, затаившись на крыльце, как на рассвете умывался Гришка студеной водой. Любовалась, как гуляли мускулы парня под драным полотенцем. Гришка жил и не догадывался, что был маленькой бабьей слабостью своей соседки. Приди ему в голову постучаться вечером к вдове, Глафира не задумываясь открыла бы дверь. Но для Гришки Глафира была просто теткой. В молодости он с охотой чинил ей забор и косил при усадьбе траву. За это получал лафитник самогону и кусок пирога. Нормальные соседские дела. Пришел срок, и Гришка женился. Глафиру пригласили на свадьбу. Все как у людей – отслужил армию, вернулся, женился... Невеста, бессловесная конопатая Наталья, сидела в фате и тихо улыбалась.

Той же улыбкой, только с жалобными морщинками по углам губ, встречала она пьяного Гришку и принимала от него побои. Незаметно и тихо родила Шурку, а потом Ларису. Девки пошли не в отца и не в мать.

Шурка росла заносчивой и своенравной. Наивной телкой казалась рядом с пей младшая Лариса. Безвольная Наталья власти над дочерьми не имела. Гришка в трезвости на дочек внимания не обращал, а по пьянке иногда лупил, иногда приносил гостинцы. Умирала Наталья с той же тихой бессловесной улыбкой, так же незаметно, как жила.

На похоронах Глафира заметила, как Шурка подошла к отцу, захмелевшему еще до начала поминок, и, посмотрев на батю ненавидящим взглядом, сказала ему: «Сволочь ты, отец!» В сухих глазах Шурки, кроме ненависти, ничего не было. Глафира жалела Гришу. Черствая Шурка внушала ей неприязнь.

Гришка все чаще стал напиваться. В последние годы ему хватало пятидесяти граммов, чтобы захмелеть. «А кто из мужиков не пьет?» – думала Глафира. Она уставилась на стенку, где из деревянной, засиженной мухами рамки смотрел на нее улыбчивый моряк, ее Витенька.

С мужем Глафира успела прожить только два года. Потом война. Наверное, и ее Витенька тоже, если б довелось ему вернуться живым,пил бы водку. Мужики и раньше пили. Пили и дрались кольями. Случалось, и зашибали один другого. Но пили по праздникам. Праздников бабы ждали со страхом. Как пройдет? Кто подерется, кого забьют? В будни мужики не пили, работали. Представить себе, чтобы кормилец с утра в рабочий день слонялся возле магазина, чтобы выпросить бормотуху, Глафира в те годы не могла.

А теперь такое в порядке вещей. И ее сосед Гриша как все. «А сладкая ли у него жизнь? – думала Глафира. – Что он хорошего видел? Вот в Монголии побывал, служба в армии. Рассказывал, как часть их в предгорье стояла. Офицеры играли в карты и пили открыто. Солдаты – потихоньку. Вот и вся житейская наука. А вернулся – заработок еле-еле на прокорм.

Дом пустой». Глафира тягостно вздохнула и побрела во двор.

На ругань соседей пронзительно и монотонно лаяла ее Кутька, маленькая кривоногая сучка с вечно слезящимися глазами. Кутьку Глафире принесли щенком, и она привязала ее тяжелой цепью к будке.

Глафира думала, что Кутька вырастет в крупную собаку, но та расти не стала. И теперь маленькая пятилетняя Кутька, изведавшая мировое пространство во всю длину своей цепи, монотонным лаем поддерживала соседский скандал.

Глафира переобулась в резиновые опорки, оставшиеся после обрезки резиновых сапог, взяла вилы и побрела на огород разбрасывать навоз.

За соседским забором обиженно сопел пьяный Гришка. Всхлипывала Лариса. Кудахтали куры.

Обычный воскресный день в деревне Матюхино.

Шурка свою деревню ненавидела, она собиралась искать жениха в городе. Шура считала себя красивой, и основания у нее имелись. Теперь, когда она бегала по двору в грязном халате и рваных шлепанцах, это было не очень заметно. Но если ее помыть, причесать и приодеть, девушка становилась неузнаваемой. Она умела втискивать свои крупные ступни в «туфельки» тридцать девятого размера и бойко ходить на каблуках, Бойкость далась тяжелыми и долгими тренировками. Ноги у Шуры были длинные, коленки не торчали. Парни оглядывались. Сам директор – Николай Лукьянович Клыков танцевал с ней на Восьмое марта. А Николай Лукьянович толк в женщинах знал.

Недаром, имея почти семьдесят лет за плечами, он жил с тридцатилетней женой. И жил не первый год: у них уже и дочка ходила в первый класс.

Еще девятиклассницей, Шура, попав в Москву со школьной экскурсией, гуляла по Выставке достижений народного хозяйства. Навстречу ей молодая дамочка в наимоднейшей мини-юбке важно прогуливалась маленького серого пуделя. Шурка уставилась на нее во все глаза. Дамочка, почувствовав к себе внимание, задрала курносый носик и гордо проплыла мимо. По этой гордости и еще по каким-то неуловимым признакам Шурка почуяла, что дамочка корнями уходит в такое же Матюхино, с унавоженными дворами и грязными дорогами. Вот тогда и родилась в девчоночьей душе мечта – вылезти, выдраться из сельской грязи и, так же модно одетой, с породистой собачкой, которую держат не для сторожения, а для фасону, фланировать по асфальту на зависть деревенским дурехам.

Теперь Шура ждала принца и знала, что она его не упустит.

2

Принц ехал в купейном вагоне скорого поезда Москва – Ростов. Его звали Константин Иванович Темлюков. Багаж Константина Ивановича составлял потертый вещевой мешок и здоровенный кованый сундук невероятной тяжести. Известный московский живописец, он был художником по профессии и по состоянию организма. Он им оставался всегда: когда писал картины, когда почивал, когда ел суп и пил вино, когда спал с женщиной. Константину Ивановичу шел сорок восьмой год, из них сорок ему сопутствовала удача. Свои первые пять лет Темлюков не помнил, а последние три называл эрой прозрения.

Успех и деньги пришли рано. В тысяча девятьсот пятьдесят первом году козырной диплом «Поль Робсон в гостях у товарища Сталина» без очереди привел к кормушке. Американский негр Поль Робсон пел басом на русском языке «Широка страна моя родная» с симпатичным англо-американским акцентом. Поль Робсон слыл другом Советского Союза. Генералиссимус товарищ Сталин считался заступником всех угнетенных, в том числе и американских негров.

Пошли заказы. Выставки. Мастерскую в сто двадцать метров с верхним светом предоставили на Нижней Масловке. Внимание со стороны Министерства культуры, солидные друзья... В партию вступать не стал. Внутренний голос сказал «нет». Темлюков верил в Бога.

Юная Галина Сергеевна, на полголовы выше Темлюкова, с лебединой шеей, полонила сердце молодого художника на площади Маяковского. Живописец догнал Галину Сергеевну, уговорил стать моделью и женой. В свадебное путешествие молодые укатили в Гурзуф на темлюковской «Победе». Жизнь лилась как песня. Вот он уже, мэтр социалистического реализма, на пороге звания Народный художник РСФСР. Но в душе маэстро зрела буря.

Внезапно Мастер делает ужасное открытие: социалистический реализм – чушь и пошлятина! Красавица жена – дура и мещанка. Лишь дочь приличная девушка. А правит кто?! Министр культуры – баба из ткачих. В искусстве ни уха ни рыла. Сидит на Олимпе, раздает медали, присуждает звания... Молодость потрачена на пустяки и мерзость!

Константин Иванович не просто делает свое удивительное открытие, а на общественном просмотре своей персональной выставки громогласно перед прессой о нем заявляет. Реакция следует незамедлительно. Двери Министерства культуры плотно закрываются, заказов нет. Солидные друзья переходят на Другую сторону улицы. Жена поджигает губки и перестает разговаривать.

Решив порвать с прошлым, он делает это в один день. Из прекрасной квартиры с окнами на ипподром Мастер переезжает жить в мансарду. Сорокалетний этап удачной жизни заканчивается, наступает эра прозрения, свободы, счастья. Константин Иванович Темлюков уходит в поиск новых форм.

Чердачную мастерскую опального мэтра посещают теперь совсем другие люди – подпольные философы, представители андеграунда, лохматые авангардисты. Денег мало, но художник неприхотлив. Бутылка сухого вина – полтора рубля, хлеб – пятнадцать копеек. Вот еда мастеров Ренессанса. Иногда друзья приводят иностранцев, те покупают одну-две картинки. Художник жив, счастлив. Возвращается молодость. По мастерской порхают стайки поклонниц. Слава опального мэтра обжигает им крылышки.

И не все друзья из старой удачливой жизни отвернулись. Некоторые выражают восхищение, признаются, что и сами бы не прочь так поступить – только страшно. Семья, дети... Темлюков прощает. Он счастлив, а счастливые люди великодушны.

Скорый поезд Москва – Ростов уже десять минут торчал на Воронежском вокзале. За мутными стеклами двигались серые человеческие тени. Баба истошным голосом предлагала горячую картошку с воблой.

В соседнем купе благим матом орал грудной ребенок.

Вагон качнулся, звякнули сцепки, поезд, медленно набирая скорость, поплыл к югу. Принцу оставалось два часа езды. Константин Иванович, не обращая внимания на шум, дремал, не подозревая о роли принца, которая уже была написана в сценарии его жизни.

3

Васька Большаков в Матюхино ездил неохотно.

На матюхинских ухабах директорский «Уазик» обрастал по крышу липкой черноземной слизью. Клыков брезговал садиться в грязную машину. Ваське приходилось на обратном пути тормозить возле ручья и битый час орудовать тряпкой и щеткой. Этот час был для Васьки дорог, поскольку он мог бы поспеть к обеденному перерыву в сельпо возле станции. За этот перерыв Валька-кассирша умудрялась доставить ему любовное удовольствие и еще сытно укормить. Квартира Вальки располагалась в доме над магазином.

Большаков, парень рассудительный и осторожный, не желал отрывать вечернего времени у семьи. Жена Василия работала в правлении бухгалтером и была строга.

На станции сегодня водитель уже побывал, но не по своей, а по директорской воле. С восьмичасовым московским приехал художник Темлюков. Вася встречал художника. Он имел представление о художниках как о людях чудных и поэтому не удивился, что Темлюков, кроме рюкзака, привез в вагоне здоровенный деревенский сундук, обитый железом.

Они с трудом за две минуты стоянки поезда сумели сгрузиться. Темлюкова пригласил Клыков для оформления нового клуба.

Клуб стоял у Большакова поперек горла. Клыков строил клуб как памятник себе. Васька, как водится, при хозяине служил не только водителем, но и доверенным «на все руки». Мотаясь по поручениям директора, он успевал кое-что перехватить и для себя. По делам строительства клуба Большаков мотался без интереса – сам Васька уже два года как отстроился.

Директор Клыков, на удивление Васьки, предложил художнику поселиться у него в доме. Москвич отказался: «Хочу жить в клубе. На кой черт мне стеснять себя и других. В клубе я

смогу работать в любое время. Люблю работать ночами». Николай Лукьянович нехотя согласился и велел Василию находиться при художнике, пока тот не обустроится. Из школы они привезли спортивный мат – Живописец желал спать на полу. Ему очистили угол в фойе, возле стены, приготовленной под фреску. Васька разгреб строительный мусор и притащил сундук. Школьная уборщица Клава помыла пол и постелила художнику. Затем Васька доставил Темлюкова к директору на домашний обед, а сам по приказу хозяина отбыл в Матюхино за штукатурицей.

Теперь Васька сосредоточенно рулил, стараясь держать колею промеж колес. Иногда в ямах приходилось подключать передок вездехода. Обдаваемый черными струями, медленно выползая из вязкой жижи, Васька тихо бранил художника, директора и Шурку-штукатурицу. Шурку Василий недолюбливал после того случая... Василий однажды подвозил ее к правлению и по дороге пытался приспособить свою руку поглубже в коленках у девушки. За что получил по морде. С тех пор при встречах Васька отворачивался. «Уазик», кренясь, сполз к мостику. Осторожно прокатив по бревнам, Васька газанул и на второй скорости взобрался на матюхинский бугор. Возле топрыгинских ворот Василий резко засигналил. Заходить во двор ему не хотелось. Вышла Лариса.

– Клыков за Шурой прислал, – сообщил Васька, не выходя из машины.

Шурка заметалась по дому. Она натянула на себя новенькие джинсы и синюю блузку, несколько раз подбежала к зеркалу – волосы заколола, опять распустила, повязала косынку. В спортивную сумку запихнула халат, туфли на каблуках и вышла к машине.

– Васька, ты спятил?! Как я в такую грязь к тебе полезу?

– Небось не на банкет, – безразлично ответил Василий и открыл заднюю дверцу.

– Ты что, меня взад засовываешь? С тобой поеду.

– Мне с тобой ездить вредно. Полежай назад.

Шура осторожно, пытаясь не замазаться, устроилась на заднем сиденье. Ехали молча. Доставив Шуру к клубу, Васька подрулил к дому директора. Клыков из дома не вышел. Васю встретила Надежда Николаевна, супруга Клыкова. Она провела его в летнюю кухню.

– Велел тебя накормить. Потом велел тебе помыть машину и дал два часа свободного времени. Сказал, можешь прокатиться на станцию в сельпо.

– Чего мне делать в сельпо? – спросил Васька, направляясь к умывальнику и краснея.

– Сказал, что ты сам про то знаешь.

Васька хмыкнул и сел за стол. Сосредоточенно вылавливая из миски куски говядины, водитель размышлял: «Откуда Клыкову известно про Вальку-кассиру?»

4

Николай Лукьянович Клыков до войны окончил Харьковский юридический институт и по распределению оказался в Воронеже. В молодости он служил адвокатом. Перед самой войной, когда коллеги стали бесследно исчезать, молодой специалист подался в деревню. Тогда это называлось «По зову партии». Ему предложили нищий, голодный колхоз в Вознесенском. На работу никто не выходил. Коровы от полной немощи не могли сами выбраться из коровника. Пастись их вытягивали на руках при помощи веревок.

Крестьяне годами ничего не получали за свой труд.

Кормились с приусадебных участков и мелким воровством, рискуя за несколько колхозных картофелин получить десять лет лагерей.

Молодой председатель, оглядев свои владения и не обнаружив в них ничего, кроме соломы, отправился в районный центр. В райцентре пытел надтреснутой трубой маленький стекольный заводик и при нем цех по изготовлению трехлитровых банок. Клыков договорился с директором поставлять на завод солому для упаковки. На счет пришли первые деньги. Клы-

ков выдал вознесенцам зарплату. Народ зашевелился. Подремонтировав дряхлые сараи, вознесенцы стали сколачивать в них фанерные ящики для того же завода. Завод поставлял фанеру и гвозди. Полудохлых коров Клыков роздал по дворам, за что чуть не попал под суд. Пригодились навыки юриста и связи.

В Вознесенском стали расти мелкие подсобные хозяйства. Появились деньги. Для себя Клыков поначалу ничего не искал. Жил в самой дрянной избе. Зарплату не брал. Кормился в столовой, что открыл для работников. Ел за одним столом со всеми из большой общей миски. Будучи образованным и от природы сообразительным, Клыков быстро нашел в сложной казуистике законов преузокую брешь. Социалистические производители в расчетах между собой денег не употребляли. Царствовала система бумажных перечислений с одного счета на другой. Только деревенские колхозы могли вынимать с банковских счетов наличные купюры. Вынимая из банка живые деньги, смысленный директор приглашал специалистов и строителей по договору. В Вознесенском закипела стройка. Поднялись школа и поликлиника из кирпича, контора из бревен. Клыков подумывал уже о собственном доме. Помешала война.

Председателю исполнилось тридцать. Ждал фронт. Вознесенцы уговорились отстоять своего хозяина. Всем миром отправились в райцентр с петицией – фронту нужен провиант, а без Клыкова хозяйство погибнет. Председатель получил бронь, но несколько месяцев все же пришлось повоевать в партизанах. Николай Лукьянович хранил орден и две медали. После войны Клыков быстро восстановил хозяйство. Идея мелких производств приносила плоды.

В веселые брежневские времена колхоз вырос в миллионеры.

Вознесенских крестьян теперь в подсобных цехах председатель не занимал. Для этого Николай Лукьянович возил автобусом разный сброд из райцентра. Те вкалывали вахтой пять дней, а на выходные отправлялись назад в райцентр: пропивать недельный заработок. Николай Лукьянович предпочитал, чтобы отдых наемных тружеников проходил подальше.

Теперь свои вознесенцы работали в сельском хозяйстве, создавая видимость кипучей деятельности.

Эта деятельность особого дохода не приносила. Чтобы выполнять госзаказы, Клыков закупал сельхозпродукцию на стороне.

Грудь председателя украсила первая Звезда Героя Социалистического Труда. Пришло время позаботиться о своем благосостоянии. Для этого Николай Лукьянович держал в подсобных производствах несколько десятков мертвых душ. В отличие от бессмертного гоголевского персонажа, Клыков имел с них материальную пользу. На мертвые души выписывалась живая зарплата, которая шла в карман Николая Лукьяновича. Небескорыстную помощь в сомнительной финансовой деятельности председателю оказывал бухгалтер Замыгин, приятель Клыкова еще по городской адвокатской жизни. Вознесенцы ничего не замечали, поскольку приезжий сброд запомнить не могли. В подсобных производствах Клыкова наблюдалась текучесть кадров.

Николай Лукьянович построил себе двухэтажный Дом. Прокатился в областную столицу, выбрал себе в воронежском пединституте молодую, с последнего курса, учительницу для новой Вознесенской школы. Через полгода сыграли свадьбу. Отпустил на пенсию бухгалтера Замыгина. Через три дня после торжественного отъезда бухгалтера бревенчатая контора сгорела со всеми бумагами. Клыков выстроил новое каменное правление. Пригласил бухгалтером молодого специалиста Большакову, а ее мужа Ваську пристроил к себе водителем. Покончив со старым, Клыков поставил вопрос о переводе своего колхоза в совхозную форму.

Васька Большаков всего этого о директоре не знал, но что Николай Лукьянович человек не бедный, догадывался. Свою личную жизнь Клыков вел скрытно.

В дом никого из местных не пускал. Дом строили приезжие армяне. Закончив строительство и отделку, они укатали, и больше никто в Вознесенском их не видал.

Ваську пускали во двор, гараж и на летнюю кухню, где водителя часто кормили. Важных гостей Клыков принимал в отдельном кабинете при новой совхозной столовой. Он давно уже не кушал из общей миски. Кабинет сверкал хрусталем и импортной мебелью.

Случай, поразивший Ваську финансовой мощью хозяина, произошел в Москве. Кроме казенного вездехода, Клыков держал в личной собственности новую «Волгу». Этой машиной директор обыкновенно управлял сам, а Ваське доверял техническое обслуживание.

В Москву тогда Николай Лукьянович ехал за второй Звездой Героя. Предвидя банкеты, за руль посадил Василия. Получив награду и отметив событие со всеми нужными людьми, Клыков приказал отчаливать домой. Они покатали ранним утром. Недалеко от Павелецкого вокзала у «Волги» полетел диск сцепления. Николай Лукьянович, поняв, что продолжать движение возможности нет, спокойно полез в карман, вынул тысячу рублей в банковской упаковке и протянул шоферу:

– Вася, голубчик, разберись с машиной и гони ее домой, а у меня времени сидеть нет.

Клыков вышел из «Волги» и поднял руку. Московский таксист притормозил по-столичному лихо.

Клыков уселся на переднее сиденье и приказал ехать в Вознесенское. Таксист не понял.

– Ну, голубчик, сперва до Воронежа, а там еще верст сто.

Тертый московский таксист в полном недоумении оббежал несколько раз вокруг своего таксомотора и почему-то обратился к Ваське:

– Твой дед что, спятил?!

Вася рассказал про аварию.

– А ты знаешь, сколько ему это встанет? – не унимался таксист. – Рублей двести в один конец. А я обратно порожняком не поеду.

Николай Лукьянович приоткрыл окно:

– Ты что, голубчик, с моим шофером договариваешься? Платить-то мне.

Москвич развел руками, плюхнулся на свое шоферское место и с тем же недоумением на лице рванул с места.

Ваське по приезде домой очень хотелось поделиться с земляками, но парень сдержался и не прогадал – через две недели Клыков прибавил ему зарплату.

5

Надежда Николаевна Клыкова годилась директору в дочери не только по совпадению своего отчества с именем мужа, но и по возрасту.

Накрывая стол в гостиной, Надя немного волновалась. Супруг сегодня обедал дома. Он принимал художника Темлюкова. Женщине очень хотелось поближе поглядеть на столичную знаменитость. О живописце она кое-что слышала от мужа и мельком видела его, когда весной художник приезжал на один день оглядывать стройку и оговаривать условия клыковского заказа.

Николай Лукьянович перед Надей имел преимущество почти в сорок лет. В день свадьбы ей исполнилось двадцать пять, а жениху перевалило за шестьдесят.

Многие считали, что в браке девушка искала богатой жизни. Это, может, и было отчасти верно. Только часть эту Надя сознанием не понимала.

Николай Лукьянович, кавалер старой школы, умел ухаживать. Раньше Клыков жил холостяком и никогда не заводил романов вблизи жилья или работы. Он держал приятельниц в столицах и, когда позволяло время, вырывался к ним, совмещая лирические встречи с командировочными заботами сельского хозяина.

Став богатым, председатель нанял бывшего министерского снабженца Ширикова своим представителем по Москве и Ленинграду. Шустрый и умелый Шириков, уволенный из мини-

стерства за бесконечные махинации, исполнял для Клыкова самые разнообразные обязанности: от культурной программы в Большой и Мариинку, номеров в «Пекине» и «Савое» до чисто снабженческих. В хозяйство отгружали тракторы и бульдозеры, грузовики и запчасти.

Клыков несколько раз возил Надю в Москву и Ленинград. И всегда селил девушку в отдельный номер.

К ее приезду Шириков украшал номер цветами. Директор не позволял себе ничего, кроме отеческого поцелуя на ночь. Они обедали в лучших дорогих ресторанах, посещали балет и оперу. Два раза ходили в театр на Таганке. Без очереди проникли на первую манежную корриду Ильи Глазунова. И нет ничего удивительного в том, что в душе недавней студентки Воронежского пединститута нашлось место для такого удивительного и молодежного деда.

На первом курсе Надя влюбилась. Его звали Славой. Папаша Славика занимал крупный партийный пост. В девятнадцать студент владел однокомнатной квартирой в центре Воронежа, и его нередко к институту подвозили на черной «Волге». Славик позволял Наде себя любить. Отдельная квартира резко сократила платонический период. Но с третьего курса он переехал в Москву, сменил воронежскую студентку на дочку инструктора ЦК, а пединститут на МГИМО. На пятом курсе, разочарованная в любви, Надя восприняла предложение ехать на работу в Вознесенское как уход в монастырь и согласилась. Николай Лукьянович вернул ей уверенность в ее женских чарах. Он был нежен, терпелив и широк. Надя жила с убеждением, что вышла замуж по любви.

Супругом Николай Лукьянович оказался строгим. Если Надя после школы, где работала, сразу не возвращалась домой, Клыков выражал неудовольствие. Близких отношений с коллегами-учителями он не одобрял. В своем доме Клыков принимал редко. Случалось, к нему приезжали друзья из других городов. За общим столом Николай Лукьянович говорил мало, беседы велись в его кабинете за рюмкой коньяка, где хозяин и держал бар. Пил директор слабо, но рюмку-другую за обедом или когда слушал музыку мог опрокинуть. Клыков отдавал себе отчет в том, что жена моложе, поэтому лишние контакты с молодыми мужчинами в ее жизни старался ограничить. Супруг очень любопытно организовывал отдых жены и восьмилетней дочери. О том, что они едут отдыхать, Надя узнавала накануне вечером.

Утром Вася вез их либо к теплоходу, где уже ждала путевка, либо к туристическому поезду. Клыков считал, что таким образом исключает возможность для жены запланированных заранее встреч. Надя и не думала изменять мужу. Клыков и не подозревал ее. Он старался предотвратить саму возможность.

Когда Анята подросла, председатель стал совершать с женой и дочерью небольшие вечерние прогулки. Чаще всего он водил их на стройку осматривать новые объекты. Строил Клыков много. После торжественного открытия Вознесенских бань с буфетом и семейным номером, про который вскорости поползли скабрезные слухи, Клыков принял к заселению десять новых коттеджей для работников совхоза. Коттеджи имели внутри теплые сортиры и ванны. В ваннах вознесенцы хранили картоху, а мыться ходили по субботам в баню. Мужики и бабы в разные смены. Мужики пораньше, чтобы успеть напиться, бабы потом.

Полтора года назад заложили фундамент клуба.

К строительству клуба Клыков долго примерялся. Николай Лукьянович готовил себе памятник. Он только для общественности говорил, что начал строить клуб, а на самом деле замыслил Центр искусств. Старейшему руководителю мечталось, что, когда ему станет тяжело ездить по столичным театрам, те смогут приезжать к нему. Под сводами Центра искусств он откроет музыкальную и художественную школы. Пригласит режиссера для самодеятельного театра. Хотелось Клыкову оставить площади для небольшого музея истории Вознесенского колхоза, где немалое место будет отведено его личности. Николай Лукьянович рассчитывал на третью Звезду и мечтал, как в клумбах перед зданием Центра искусств встанет гранитный

бюст. Свое непомерное тщеславие Николай Лукьянович тщательно скрывал под маской заботливого отца и руководителя.

Клыков торопил строителей. Весной стройку загнали под крышу. Пора было задуматься о художественном оформлении здания. В одну из столичных командировок, когда Клыков завершил деловую часть и расслабился в обществе молодой веселой дамы (в обязанности Широкова входил и этот вид услуг), Николай Лукьянович посетил Министерство культуры.

В высоком кабинете старинного особняка Николая Лукьяновича приняла поджарая, плоская женщина в очках, с поджатыми губами и пристальным недоброжелательным взглядом. «Старая дева», – подумал Клыков и представился:

– Здравствуйте. Вам звонили из сельскохозяйственного отдела ЦК?

Взгляд женщины потеплел, узкие губы растянулись в улыбке.

– Всегда рады помочь нашим сельским труженикам. Присаживайтесь. Рассказывайте о ваших проблемах. Меня зовут Зинаида Сергеевна Терентьева.

В виде исключения для дважды Героя можно просто Зина. Моя должность звучит довольно грозно – начальник отдела управления по делам наглядной пропаганды и агитации, а на самом деле я просто женщина, которая любит художников и старается им помочь.

– Забота у меня, Зинаида Сергеевна, большая.

Летом я заканчиваю строительство клуба. Клуб – это для наших местных начальников, а на самом деле мы задумали Центр искусств. Мы лишили крестьян церкви и должны что-то дать взамен. После тяжелого труда, после навоза и пашни крестьянин должен иметь возможность прийти в храм. Я решил построить наш социалистический храм и прошу дать мне художника. Он распишет стены и станет моим консультантом по всем декоративным работам.

Зинаида Сергеевна задумалась: «Дважды Герой совсем не так прост. Мы тут о нашем колхозном селе не всегда имеем верную информацию». Терентьева нажала кнопку, и в кабинет вошел молодой человек с длинными волосами и грустным голубым взглядом.

– Знакомьтесь, мой секретарь Миша Павшин.

Зинаида Сергеевна вкратце пересказала просьбу Клыкова.

– Кто же у нас мастер по фреске? – задумчиво сам у себя спросил Миша. – Сейчас очень интересно работает над фреской Константин Темлюков...

Под очками Зинаиды Сергеевны засверкали молнии, губы поджались еще больше, она выскочила из-за стола:

– Этот отступник не получит у государства ни одного заказа! Пусть скажет спасибо, что ему оставили мастерскую и не исключили из Союза. Я не ожидала от вас, Миша.

Когда волнение в кабинете улеглось, Зинаида Сергеевна вместе с Мишей выдала Клыкову список из пяти кандидатур. Трое имели звание Заслуженных художников РСФСР, один – лауреат Госпремии и один Народный Советского Союза. Клыков взял список, поблагодарил и откланялся. Николай Лукьянович прекрасно знал цену орденам и званиям, поэтому, выйдя из стен министерства, спокойно положил список в первую же урну и, позвонив своему представителю, приказал разыскать адрес и телефон Константина Темлюкова.

Утром на письменном столе в номере «Пекина» лежала записка Широкова с адресом и телефоном Константина Ивановича и короткая информация о его жизни и деятельности. Клыков позвонил и договорился о встрече. В голосе художника Клыков не уловил ни радости, ни волнения от звонка заказчика.

Темлюков просто сказал: «Приезжайте когда хотите.

Я весь день в мастерской. В дверь не стучите. У меня всегда открыто».

На верхнем этаже в доме на Нижней Масловке дверь действительно не запирали. Темлюков работал с обнаженной моделью и, извинившись, попросил пять минут подождать:

– Сейчас ногу закончу – и к вашим услугам. Если прервусь, Марина ногу так больше никогда не поставит.

Клыков сел в кресло и огляделся. Кроме Марины в мастерской сидели еще две обнаженные девушки, слегка набросив халаты на плечики. Они разглядывали фотографии и на Клыкова не обратили внимания.

В углу, возле стеллажа с книгами, сгорбившись, стоял и читал толстый том худой бородач. Бородач кивнул Клыкову, как будто они давно знакомы и расстались полчаса назад.

– Лена! Сделай нам кофе, – крикнул Темлюков через перегородку.

– Угу. На сколько человек? – откликнулся голос Лены. Темлюков не ответил. – Поняла, – сообщил голос.

Клыков разглядывал мастерскую.

– Хотите что-нибудь посмотреть? Не стесняйтесь, будьте как дома. У нас тут этикета не принято.

Лена оказалась тоненькой блондинкой с большим кофейным подносом.

– Знакомьтесь, – махнул Темлюков на Лену кистью, – дочь.

Заваленный картонами стол девушки в момент разобрали. Темлюков отошел от мольберта:

Шут с тобой, Марина. Пока хватит. У тебя сегодня ноги совершенно безликие.

Они проговорили шесть часов. Клыков не уехал в Вознесенское. Его оставили в мастерской на тахте красного дерева, спасенной художником с помойки.

Николай Лукьянович уснул в три часа ночи, проглядев сотни холстов фресок, высказав все свои пожелания и выслушав мнение о них Темлюкова. Засыпая, Клыков знал, что другой кандидатуры для его замысла искать больше не надо.

Утром Клыков хотел купить у Темлюкова ню для спальни, но художник денег не взял:

– Я не так часто получаю удовольствие от встречи с заказчиком, пусть это и будет мне платой.

Клыков уехал домой и с первой okazji выслал Темлюкову мешок картошки, жбан сметаны и бидон меду. Клыков не любил оставаться в долгу.

6

Шура бродила по пустым залам клуба. Пахло краской и строительной пылью. Она знала тут каждый закуток на ощупь.

Шура работала бригадиром. В бригаде, кроме нее, состояли Машка Авдотьева из Селищ и Тонька Куманец из Вознесенского. Хохлушка Тонька приехала из Николаева, выйдя замуж за Вознесенского парня. Теперь она звалась Федотова, но ее все равно звали Куманец. Больно подходила Тоньке девичья фамилия.

Шурка остановилась в углу и долго глядела на школьный мат, отведенный под спальню художника, и на большой кованный сундук. Если Темлюков пока не догадывался, что ему предстоит играть роль принца, то Шурка к своей роли тщательно готовилась. Готовилась с весны. С того дня, когда, стоя на стеллаже в одной запачканной рубахе, увидела в первый раз Темлюкова. Тот пришел с директором осматривать стройку. Как Темлюков подошел, Шура не слышала.

Она своим бабьим чутьем почувствовала мужицкий взгляд. Темлюков разглядывал девушку, как коннозаводчик разглядывает кобылу. Шура от неожиданности залилась краской и уже хотела высказаться, как появился Клыков.

– Знакомься, Константин Иванович, это наша Шура. По части стен она главная.

Шура спрыгнула вниз, вытерла руку о рубаху и лодочкой протянула ее художнику. Краска еще не сошла с ее лица.

– Ишь, засмушалась, – заметил Клыков, – на тебя не похоже. Ты у нас девка бойкая.

Отчего покраснела Шура, знали только она и Темлюков. Это была их первая маленькая тайна. Темлюков улыбнулся, задерживая руку Шуры в своей. Рука у него была крепкая и сухая.

– Вот вы и познакомились. Это, Константин Иванович, твоя будущая помощница. Все вопросы по штукатурке – к ней.

Клыков оставил Темлюкова с Шурой, а сам уехал в райцентр, на бюро актива. Темлюков стал говорить о фреске. Говорил воодушевленно, как на кафедре.

Рассказывал об истории фрески, о великих художниках Ренессанса. Говорил так, будто перед ним были студенты-искусствоведы, а не штукатур Шура.

Шура почти ничего не поняла, но слушала затаив дыхание. Ни один мужчина с ней еще так никогда не говорил. Обычно Вознесенские мужики отпускали похабные шутки или норовили ухватить за сиськи или задницу.

Потом Темлюков уселся на ящик, напротив большой стены в фойе и так сидел больше часа, не видя и не слыша ничего кругом. Шура украдкой наблюдала.

Константин Иванович был роста небольшого – поджарый, но не худой. Шура подумала, ему около сорока. Художник выглядел моложе своих лет. Темлюков не носил ни усов, ни бороды и не имел никаких особенных художнических примет. Одет он был просто: свободные серые брюки, ковбойка и куртка. Про одежду он говаривал, что она тогда хороша, когда об нее удобно вытирать руки и кисти. «Совсем не похож на столичного, – отметила Шура. – С таким не Страшно».

Потом приехал Клыков. Темлюков попросил освободить Шуру на время работы в клубе и еще раз пожал девушке руку.

– Теперь мы с тобой соавторы, – сказал Темлюков на прощание.

Темлюков уехал. В этот день Шура больше работать не смогла. «Вот он, мой шанс», – решила Шура и побежала в Вознесенскую библиотеку.

Книг о художниках в местной библиотеке было две. «Далекое, близкое» Репина и роман Ирвинга Стоуна «Муки и радости». Шура взяла обе, сильно озадачив Верку-библиотекаршу. С тех пор как помер старенький учитель истории Станислав Георгиевич, эти книги не спрашивали.

Читать Шурке было трудно – болела голова. Особенно тяжело читался роман Стоуна. Шурка пыталась вынюхать про Темлюкова как можно больше. Но в Вознесенском информация имела скучная. В правлении знали только, что Клыков нашел художника, которого ненавидели большие начальники в Москве.

Еще Шура установила, что за фреску Клыков кладет художнику пятнадцать тысяч рублей. Можно купить три легковушки. «При таких заработках мог бы одеваться получше, – подумала Шура. – Уж не пьяница ли?»

Пьянства Шура боялась пуще огня. Не надо никакой столицы, если там придется возиться с пьяницей.

Однажды, остановив Клыкова, Шура невзначай спросила:

– Художник, что приедет стену раскрашивать, случайно не алкаш? А то свалится со стеллажей, а мне отвечать.

Клыков посмеялся и сказал, что за шесть часов они вместе выпили три кофейника. Шура успокоилась и стала ждать. Чем ближе подходил срок, тем напряженнее она становилась. Все чаще доставалось отцу и сестре. Все злей она гоняла свою бригаду, торопясь закончить стену к сроку.

– Уж не влюбилась ли Шурка в москвича с первого взгляду? – шептались Машка Авдотьева с Тонькой Куманец. – Чудно, мужик старый, плюгавенький. Во что там влюбляться?!

Шура влюбилась в свой шанс. Влюбилась до боли остро. Она вскружит голову столичному художнику.

Мужик, он все равно кобель, хоть деревенский, хоть городской. Приспичит – обо всем забудет. Шурке даже не пришло в голову задуматься, женат ли Темлюков, есть ли у него дети. Шурке наплевать. Женат, так разведется. Все зависит только от нее.

Обед в гостиной Клыкова подходил к концу. Темлюков давно не обедался. Но Надя накрыла такой стол, что удержаться гостю не удалось. Холодная осетрина, кулебяки, грибы соленные, грибы маринованные, легкий супчик из шампиньонов с белыми бобами – и в финале на великолепном кузнецовском блюде румяный поросенок. Из маленького запотевшего графина петровского стекла водку разливал сам хозяин.

Темлюкова дом заказчика весьма озадачил. Павловская гостиная красного дерева с дивным большим овальным столом и буфетом. Кокетливая люстрочка с амуром французской бронзы в хрустальных слезках.

Стены, обитые шелком в мелкий цветочек. И живопись. Пейзажи Клевера, картинка Маковского, стадо на водопое Пластова.

Порадовавшись реакции гостя, Клыков добродушно усмехнулся:

– Не ожидал, Константин Иванович, найти таким дом колхозника?

– Ну, допустим, какой вы колхозник, я понял при первой встрече. Но, признаюсь, не ожидал.

Надя, в легком шелке и маленьком фартучке из «Березки», счастливая, что угодила гостю, красивая и румяная от рюмки водки, внесла в хрустале компот из райских яблочек.

– Довольно! – взмолился Темлюков. – Не могу.

Заметьте, уважаемый заказчик, художника надо держать голодным, как дворового пса. Если станете меня закармливать, не видать вам Центра искусств.

– Учтем, Константин Иванович. Прошу в кабинет, подегустируем из моего бара.

Темлюков, разглядывая библиотеку Николая Лукьяновича, к своему удивлению, не обнаружил классиков марксизма, о чем не без ехидства заметил хозяину.

– Все есть. И полное собрание Владимира Ильича, и «Малая Земля» Леонида Ильича, и Маркс, и краткая биография Иосифа Виссарионовича, хоть это теперь и не слишком модно. Все есть. Только в директорском кабинете правления. А уж дома, не обессудьте, не держу, – Клыков развел руками. Мужчины посмеялись. – Завтра прошу ко мне в служебный кабинет. Там и классиков увидите, и на аванс подпись получите. Дружба дружбой, а денежки врозь. Мы с Надей вас проводим.

Надя собрала гостю с собой корзинку с закусками и, как ни противился Темлюков, настояла, чтоб он взял гостинцы.

– Утром мне спасибо скажете.

До клуба добрались за пять минут. Солнце клонилось к закату. Темная громада новостройки возвышалась казенно и неуютно. Художник распрощался с супругами и вошел в пустынное здание. Шаги гулко отдавались по этажам.

Глаза привыкали к полумраку. Двадцать пять метров стены. Белый лист». Ничье пространство. Из него надо построить свой мир. Константин Иванович давно определил для себя, что акт творчества есть акт безумия. Только из безумия возникает подсознательный хаос, мозгом и мастерством художника переводимый в образы. Если безумие не присутствует, не родится тайна. Произведение без тайны – простая иллюстрация. Мера безумия – это мера таланта.

Артист – наркоман. Его наркотик заключен в состоянии безумия. Есть разные слова – муза, вдохновение, озарение. Все это понятия одного и того же значения, когда подсознание удастся вытянуть из неведомых темных глубин и облечь в реальные, понятные уму формы.

Фреской Темлюков увлекся два года назад. Теперь ему казалось, что он шел к ней всю жизнь. В своей мастерской, покрывая разными составами извести небольшие доски, он изучал, как краска проникает в поры, как меняет цвет. Он сидел в библиотеках, пытаясь сыскать ста-

рые рецепты штукатурки, составы пигментов. Несколько старинных комбинаций художнику удалось восстановить, кое-что он изобрел сам. Заказ Клыкова Темлюков воспринял как Божий знак. Если бы Николай Лукьянович попросил его написать фреску бесплатно, он не раздумывая бы взялся за эту работу.

Ело слышный шорох прервал мысль. Темлюков взглянул в дальний угол, там на козлах, обхватив руками коленки, сидела Шура и смотрела на него.

– Ты кто? Что здесь делаешь? – вскочил Темлюков.

– Я Шура, ваша помощница. Меня вызвал Клыков, – тихо и нежно ответила девушка.

– Извини, ради Бога, мы совсем забыли о тебе.

Точно, Клыков послал за тобой шофера. Ради Бога, прости... Есть хочешь?

– Немного. Ничего, до дома дотерплю.

Темлюков вспомнил о корзине с закусками, что дала ему Надя:

– У меня полно вкусных вещей. Иди сюда. Сейчас разберем сундук, там электрический чайник. Сахар, чай, кофе.

Шура потянулась и прыгнула с козел. В сундуке художника оказалось, кроме чайника и жестяных кружек, много самых невероятных вещей. Дуре очень хотелось все разглядеть, но она взяла чайник и пошла за водой. Электрические розетки были под током, но верхний свет еще не смонтировали. Шура быстро принялась за дело. Она включила чайник, соорудила из козел стол. Нашла в монтерской оставленные электриком свечи. Свечам Темлюков обрадовался как ребенок. Художник любил свет от живого огня. Подумав, как застелить самодельный стол, Шура скинула косынку и постелила ее вместо скатерти. Медные кудри девушки рассыпались широкой волной. Константин Иванович невольно залюбовался.

– Господи, какая ты красивая! Та Шура весной и эта – две разные девушки.

– Ну и скажете, – слабо возразила девушка, раскладывая на столе закуски. – Ой, вкуснятина! Откуда у вас все?

– Супруга директора собрала. А я, шляпа, еще отказывался брать. Давай ешь.

– Я одна есть не буду.

– Побойся Бога. Я из-за стола.

– Одна есть не буду, – упрямо повторила Шура.

Зашумел чайник, и пустое фойе стало по-домашнему уютным. Темлюкову сделалось тепло на душе, и он с благодарностью посмотрел на Шуру:

– Хорошо. Выпью с тобой чаю. Может, тебе кофе?

– Без молока не могу, горький.

Константин Иванович улыбнулся. Они пили чай.

Шура старалась есть деликатно, отламывая кулебяку маленькими кусочками.

Темлюков поглядывал, как от пламени свечей отливают бронзой Шурины волосы, как вычерчивается ее прямой носик и сверкают темные зеленые глаза.

«Вот и натура», – подумал художник.

– Пожалуй, я тебя нарисую.

– Меня? Было бы чего рисовать. Там в Москве у вас городские. Они красивые и одеты...

– Не кокетничай. Знаешь небось, что хороша?

Шура не ответила, только бросила на Темлюкова горящий взгляд: не нуждаюсь, мол, в ваших комплиментах.

Константин Иванович поначалу, когда обнаружил в клубе Шуру, пришел в некоторое раздражение.

Ему хотелось побыть наедине с белой стеной. Хотелось вызвать творческий настрой. Подумать о будущей работе. Но, будучи от природы добряком, чувствуя вину, что забыл о девочке, виду не показал. А теперь, когда безжизненное фойе задышало, ожило, засветилось и

вся пустая громада дома сделалась свойской и понятной, Темлюков был очень доволен присутствием Шуры. Ведь чудо сотворила она.

– Ты не злишься, что тебя так долго заставили тут сидеть одной?

– Как я могу злиться? Я вас очень ждала.

– Ты меня ждала?

– Очень!

– Почему? Ты же меня совсем не знаешь.

Шура смело поглядела в глаза Константина Ивановича:

– Тут такая тоска. И вы, знаменитый художник из Москвы. А я ваша помощница.

– Ну уж и знаменитый! – рассмеялся Темлюков. – С чего ты взяла?

– Николай Лукьянович другого бы не привез.

Больно за свой клуб переживает. Когда работали, каждый день по три раза навещался.

– Может, тебя и живопись интересует?

Темлюков спросил как бы между прочим, но Шура почувствовала в вопросе художника живой интерес.

– Еще как. Я в нашей библиотеке все книжки про художников прочитала.

– И много в вашей библиотеке таких книжек?

– Всего две. Но такие толщенные.

Константина Ивановича немного рассмешило, что его считают здесь знаменитым, но в глубине души было приятно, что его ждали, о нем думали.

– Ну и что же это за две книжки?

– Одна про Репина. «Далекое, близкое». Там Репин сам про себя все пишет. Эта книжка ничего, понятная. А другая про Микеланджело. Там понять трудно.

– Роман «Муки и радости» одолела? Сильна.

И что же там трудно понять?

– Уж больно он одержимый. Как же так человек может жить? Ни семьи, ни жены...

«Какое хорошее слово нашла: «одержимый», – подумал Константин Иванович.

– Да, Шура, гения из Флоренции многие не могли понять. Ни его современники, ни теперь. Но «одержимые» все художники. Кто больше, тот больше художник.

– И вы одержимый?

– О себе говорить сложно. Наверное, в какой-то степени.

Темлюков решил, что теперь обязательно должен нарисовать Шуру. Ему для фрески нужны двенадцать женских фигур. Пусть одной из них будет она.

– Шура, я хочу тебя нарисовать, но мне нужна девушка в одежде дохристианских славян. Костюмы у меня с собой.

Константин Иванович покопался в сундуке, достал большой сверток, из него – белое платье типа сарафана и протянул Шуре:

– Примеряй.

Шура хотела что-то сказать, но передумала. Покорно взяла платье.

– Отвернитесь.

Темлюков рассмеялся:

Художник как врач. Его нельзя стесняться.

Но отвернулся. Шура вынула длинные ноги из джинсов, сняла блузку и осталась в черном лифчике и розовых трусах. «Как я не подумала надеть приличное белье, – ужаснулась Шура. – Платье почти прозрачное». Шура прикусила губу, затем решила и разделась совсем. Надев платье, подошла к Темлюкову и, упрямо откинув голову, спросила:

– Ну и как?

Белая ткань под мигающим желтым огнем становилась почти прозрачной. Константин Иванович с восхищением оглядел молодое красивое тело, едва драпированное его сарафаном.

– Ты прекрасна! Я и не думал найти здесь такую замечательную модель. Я смогу с тебя написать две-три фигуры.

– Мне теперь так и стоять? – не без вызова в голосе выпалила Шура.

– Зачем стоять? Поживи спокойно в этом платье, а я на тебя посмотрю.

Шура прислонилась к самодельному столу и опустила глаза. Ей еще ни разу в жизни не приходилось спокойно стоять почти голой перед мужчиной, который с профессиональным интересом ее разглядывал.

Шуру обидело, что во взгляде художника не было ни намека на желание. Он глядел не на Шуру, а на модель.

– Хватит. Насмотрелся! – Шура схватила свои вещи и скрылась в темноту. Через несколько минут она кинула Темлюкову его сарафан и выбежала на улицу.

Домой в Матюхино Шура не пошла. Она добежала до новенького коттеджа, где недавно отмечали новоселье молодожены Федотовы. Открыла Тоня Куманец. Шура влетела в дом:

– Витька где?

– В Воронеже запчасти шукает.

– Куманец, я у тебя заночую. Неохота грязь по дороге месить.

Шура открыла холодильник и заглянула в кастрюли.

– Чего дывишься? Щи сутошные там... Давай насыплю в миску да погрэю. Художника бачила?

– Грей. А выпить чего есть?

– Вон же горилка з перцем, з дому привезена.

Шура налила полстакана горилки, выудила красный маринованный помидор из банки и, проглотив залпом горилку, сперва понюхала помидор, а потом отправила его в рот.

– Ух, жгет! Как вы ее, хохлы, пьете?

– А що, гарная горилка. К ней сало надо.

Шура съела большую миску щей. Потом рассказала Тоньке, как Васька посадил ее на заднее сиденье в машину.

– Запомнил, как я ему по харе врезала.

Развеселила Тоню, развеселилась сама. Долго еще в сонном Вознесенском из коттеджа Федотовых раздавались громкие восклицания попеременно со звонким девичьим смехом.

8

Оставшись один, Темлюков улегся на школьный мат и попытался уснуть. В поезде ему не давал покоя грудной малыш в соседнем купе. Завтра надо побыстрее покончить с формальностями – ив работу... Но сон не шел. Темлюков вспоминал сегодняшний прием у заказчика. Молоденькую румяную Надю. Ее теплый и заинтересованный взгляд он часто ловил на себе. «Славно, что я не остался жить у старика. Приревновал бы к жене. Как пить, приревновал. Хорош старик. Самодоволен, но не глуп. Красный барин. Изнанка социалистического реализма. Вкус барский.

Немного старомоден, но вполне. Дом недурен. Живопись хорошая. Кто бы мог подумать. Наде, конечно, с ним скучновато. А с другой стороны – воронежский инженерик. Денег нет. Квартирка панельная. Кругом убожество. А тут – барыня. Дочка, славная малышка».

Внезапно перед глазами Константина Ивановича встал образ Шуры. Золотистое тело в белой прозрачной ткани, высокая грудь, темный зеленый взгляд из-под ресниц, бронза волос. Она была так близко. Почему ушла? Почему отпустил?... «Тьфу ты. Дон Жуан с Нижней Масловки». Темлюкову стало стыдно своих мыслей. Но видение вставало снова и снова.

Темлюкову вспомнилась их первая встреча. Шура в запачканной рубаше высоко на лесах, пунцовое, возмущенное его взглядом лицо, ладошка лодочкой.

И опять высокая грудь под белым платьем и отблеск свечей в темном взгляде. Когда же художник по-настоящему владеет женщиной? В тот миг, когда распинает ее на постели, ощущая свою власть физически, когда женщина не может ничего ему запретить, когда все дозволено и хочется чего-то большего?.. Но большего в природе нет. Или когда он на расстоянии холодным, расчетливым взглядом берет себе самые прекрасные и волнующие ее черты? Берет и переносит к себе на бумагу или холст, где она остается принадлежать ему навсегда, не стареющая, не надоевшая.

К ней никогда не наступит пресыщения.

Темлюков не мог ответить себе на этот вопрос. Он страстно любил жизнь. Он хотел всего. Как счастлив он был в последнее время, когда решился наплевать на звания, ордена, фальшивые рецензии в фальшивых изданиях. Как прекрасно, что нет рядом жены, которая хочет все это, не понимая сама, что хорошо, а что плохо. Она жадно ловит отношение к нему этого фальшивого слоя, который измеряет жизнь количеством комнат в квартире, маркой машины и разрешенностью пересекать границы. Как замечательно теперь живет художник Темлюков. Как легко ему стало с женщинами. К нему приходят молодые девочки, позируют, иногда спят с ним. И нет ни пошлости, ни разврата. Есть жизнь. Сколько он открыл нового в живописи, в пластике за те три года, что перестал писать дурацкие партийные и генеральские морды с орденами, нашивками и воротничками. Господи, как поздно пришло прозрение!

Утром Темлюков отправился в правление. Он шел по центральной усадьбе. Вдоль улицы ровными рядами стояли новые кирпичные коттеджи. Из окон сквозь заросли герани Воскресенские бабки пялились на приезжего. У крылечек дремали тощие коты. Возле низких типовых заборов бродили куры.

Рябой петух с тройным гребнем прочертил перед несущей жестким приспущенным крылом и нехотя исполнил петушину супружескую обязанность.

Жирные гуси пересекли дорогу прямо перед Темлюковым. Последний гусь, видимо главный, попытался ущипнуть художника за штанину. Несколько баб с расплывчатыми красными лицами, неуклюжие и бесформенные, в синих халатах и домашних шлепанцах, вышли из магазина с сумками, набитыми кирпичами хлеба. Хлебом Воскресенские бабы выкармливали своих поросят. Темлюков посторонился, пропустив трактор. В маленькой кабине гоготали трое молодых мужиков.

Двухэтажное правление находилось в центре поселка. Перед ним через всю улицу висел транспарант:

«Продадим Родине сто тысяч тонн кормовой свеклы».

«Продадим Родине» выделено крупными буквами, и Темлюков сначала прочел «Продадим Родину», потер глаза и только потом понял, о чем говорится в транспаранте.

Кабинет Клыкова размещался на втором этаже.

Директор вышел встретить гостя.

– Я вас в окно увидел. Молодец, встаете по-нашему, рано. В городах привыкли дрыхнуть до обеда. Как спалось на новом месте?

– Спалось. Даже с полным пузом прекрасно. В городе после нашей вчерашней трапезы я бы отходил неделю.

Клыков не обманул. В стеклянных шкафах его кабинета сверкали нетронутым переплетом классики марксизма-ленинизма. Со стены портретом щурился вождь мирового пролетариата. На письменном столе – большая фотография. Сам товарищ Подгорный пристраивает звезду Героя на лацкан пиджака Николая Лукьяновича.

Темлюков расписался на договоре. Получил от кассирши Дуньки аванс и уже хотел уходить, но Клыков его задержал.

– Ко мне сейчас заедет инструктор райкома по сельскому хозяйству. Вон его «Волга» катит, – указал Клыков в окно. – Послушайте. Думаю, вам многое станет понятно в работе сельского труженика.

Темлюков уселся в уголок. В кабинет вошел упитанный молодой человек в темном костюме и галстуке. Косолапо ставя на паркет начищенные полуботинки, он направился к директору здороваться. Потом достал из портфеля бумагу и выложил ее перед Клыковым.

– Ну и что ты, товарищ Федоренко, мне привез? – спросил Николай Лукьянович.

– Разнарядочка пришла, – ответил молодой человек.

– Ну-с, и что нам партия предлагает и советует?

– Райком партии в этом году на основных площадях советует посадить морковь.

– Послушай, товарищ Федоренко, тут морковь сроду не родилась! Зачем ее сажать?

– Этого я сказать вам не могу, – простодушно ответил инструктор райкома. – Пришла разнарядка.

– Партия нам поставила задачу, наше дело выполнять.

Темлюкову показалось, что Клыков ему подмигнул. Потом мужчины поговорили об охоте на Воскресенских болотах. Николай Лукьянович открыл сейф, извлек бутылку коньяка и три рюмки.

– Это мой друг, художник из Москвы, – представил директор Темлюкова.

Закусили яблоками, что лежали в вазе на окне.

Отправив приветы женам, мужчины распрощались.

Клыков сказал Темлюкову:

– Первое действие закончено, переходим ко второму, – и вызвал по телефону своего агронома.

В кабинет вошел сутулый, дубленный солнцем и ветрами агроном Попов. Клыков подвинул к нему бумагу:

– Вот, Петрович, морковь нам велят сеять...

– Как морковь?! – Агроном забегал по кабинету и, только теперь заметив Темлюкова, набросился на художника:

– Да ты понимаешь ли, бумажная твоя голова, что морковь в наших местах отродясь не сеяли?

Что ж я, на старости лет скажу людям морковь здесь сажать? Они меня засмеют. Откуда вы на нас свалились? Неужто мы тут не знаем, что сажать, что нет!

– Ты зачем на художника набросился? Он из Москвы приехал наш клуб украшать. Морковь не по его части.

Агроном плюхнулся в кресло и тяжело задышал.

Его голубые выцветшие глаза выражали растерянность и детскую обиду. Казалось, еще немного, и он заплачет.

– Ты, Петрович, сильно не страдай. Получи семена, возьми третью бригаду. Насыпьте гектара на три реденько. А через неделю дадим в райком телеграмму: «Морковь не взошла, перепахали под картошку».

Вот и все.

Агроном подбежал к директору, несколько секунд стоял, впившись в него глазами. Затем его скрючил приступ смеха. Темлюков тоже не удержался. Мужчины смеялись до слез. Когда заканчивали бутылку коньяка, Петрович сказал Темлюкову:

– Ты уж прости меня, старого дурака. Я тебя за чайкомовскую крысу принял.

– Бог простит. Давно я так не смеялся. Вам бы, Николай Лукьянович, на сцену. В вас прирожденный артист пропадает.

Клыков был явно доволен.

– За подобный спектакль, друзья мои, можно не аплодисменты схлопотать, а даже совсем наоборот.

Поэтому будьте любезны услышанным ни с кем не делиться.

Темлюков, возвращаясь в свой Дом культуры, думал о том, как трудно было все эти годы красному барину Клыкову. Подобные эпизоды в его практике происходили нередко. Но вот зрителей он себе позволить не мог. «Ах артист», – еще раз повторил про себя Темлюков. У него сделалось прекрасное настроение, и художник решил прогуляться.

На Воскресенском рынке торговали творогом, кислой капустой, солеными огурцами и картохой.

Седоусый дед скульптурно восседал на жбане с медом. Одноглазая бабка предлагала редким покупателям веники. Темлюков купил банку меда. Съел пару огурцов. Денег за них с него не взяли. Потом подошел к инвалиду, торговавшему гипсовыми копилками. Копилки были невероятной формы и должны были изображать кошек. Темлюков купил копилку, затем коврик с лебедями. Он знал, кому подарить его в Москве. Обойдя рынок, художник хотел уже уходить, когда заметил в конце базарной площадки старую цыганку. Она сидела за пустым прилавком и не мигая смотрела вдаль. Художник залюбовался старухой в красном цветастом платке, ее точеным, цвета мореного дерева лицом. Темлюков пожалел, что не захватил красок. Он не мог оторвать глаз от лица старой женщины.

– Что смотришь, сынок? – спросила цыганка, не поворачивая головы и не глядя на Темлюкова. – Понравилась?

– Очень ты красивая, – сказал Темлюков.

Женщина медленно повернула голову, долгим взглядом посмотрела на художника и, вздохнув, сказала:

– Зря ты, сынок, сюда приехал.

– Почему, бабушка? – удивился Константин Иванович, продолжая изучать прекрасную модель.

– Я вижу, что ты хорошо на меня смотришь, не смеешься. Совет тебе дам, только ты им не воспользуешься. Поезжай обратно к себе в город. Беги отсюда.

Погибель твоя здесь.

– Бабушка, может, тебе денежку дать, ты мне погадаешь?

– Денег мне твоих не надо. Гадать тебе не буду.

Совет я тебе и так дала. Без денег. Душа у тебя есть.

Не у всех людей душа есть. Я на свете много жила, знаю. А тебе все сказала, ступай.

Темлюков был суеверен. Уходя с базара, он утерять веселое состояние духа, но ненадолго. Когда увидел, как толстая баба с хворостиной гонится вдоль забора за огромной пятнистой свиньей, причем баба голосила, а свинья ехидно хрюкала, то опять развеселился.

Слова цыганки вылетели из головы Темлюкова, и он решительно направился работать.

9

Шура легла прошлой ночью поздно. Ей нужно было выпустить нервный пар, что скопился от встречи с Темлюковым. Больно долго она ждала этой встречи, долго готовилась. Теперь ей нужна была разрядка.

Шура закрутила и Тоню. Девушки проколобродили полночи. Вдоволь нахихикались, выпили горилки и уснули с первыми петухами. Шурка проснулась рано.

Ей нужно на работу в клуб. Как сегодня вести себя с художником? Пока Тонька Куманец сладко спала, посапывая в подушку, Шурка лежала рядом на большой двуспальной кровати румынского гарнитура и смотрела в потолок. Шурка думала. Пахло вчерашними щами. Окна вознесенцы закрывали наглухо: зимой по привычке, жалея тепло, а летом боялись мух.

Мухи все равно проникали в комнаты. Плохая вентиляция создавала в новых коттеджах спертый избяной дух. К духу этому деревенские привыкали с детства и считали его нормальным. Большая зеленая муха проснулась и медленно поползла по потолку. Шурка, думая о своем, следила за ней. Муха полетела, пожужжала, стучаясь головой о потолок, и смолкла, забившись где-то в щель.

Шурка имела немалый опыт в обхождении с мужиками. Она флиртowała с моряком, приехавшим в отпуск перед дальним плаванием. Шурка просто, чтобы попробовать свои женские силы, затеяла с ним легкий флирт. Моряка звали Димой. Шурка сходила пару раз с ним на танцы. Под музыку девушка специально заводила парня, прижимаясь к нему. Моряк еле сдерживался. Шурка ему нравилась. Он млел от ее бесстыдного зеленого взгляда, медной гривы и торчащей груди. Находясь в плавании, он много месяцев не мог иметь женщину, в теперь на танцульках вся его молодая кровь бешено вскипала, требуя естественного мужского права. Но по дороге домой, когда Дима пытался обнять девушку, Шурка становилась ледяной и неприступной. Через две недели, когда Дима совсем потерял голову, прощаясь возле своей калитки, Шурка как бы невзначай проговорила, что рано утром собирается в лес за ягодами. Дима всю ночь пробродил по матюхинской дороге, что вела к лесу. Когда Шурка утром в легком платице с бидончиком в руках встретила парня на дороге, она разыграла сильное удивление. Дима шел за девушкой. Шура чувствовала за спиной его горящий взгляд. Ей самой давно хотелось этого молодого красивого мужика, но девушка никогда не теряла голову. Шура проводила свой женский эксперимент. Сегодня она решила, что пора. Тропинка, по которой шли молодые люди, вовсе не вела к ягодным полянам. Тропинка вела к круглому лесному озеру, про которое знали всего несколько деревенских. Рыбак дед Алексеич, охотники братья Пономаревы и лесник Тиша. Шура знала, что дед Алексеич две недели не встает, скрученный ревматизмом. Охотники Пономаревы не появятся, поскольку сезон еще не открылся, а Тиша в правлении на собрании. Дойдя до озера, Шура резко обернулась, поймала огненный взгляд парня, затем сказала:

Что, моряк, слабо поплавать в колодном озере?

Нет, я пожалуйста... Только плавки не при мне.

Что, испугался?! Зачем тебе тут плавки? Кроме нас, во всем лесу никого.

Дима стал медленно раздеваться. Ему было неловко делать это при девушке, которая и не думала отворачиваться. Дима прыгнул в воду. Озеро наполняли ключевые ручейки. Вода обожгла, но моряк почувствовал себя в родной стихии. Парень прекрасно плавал. Долетев торпедой до середины озера, Дима оглянулся и чуть не утонул, увидев на берегу обнаженную русалку. Моряк рванул к берегу. Шура стояла голая, распустив медную гриву, и загадочно улыбалась. Дима вылетел из воды. Шура прижалась к мокрому, холодному мрамору его тела, увлекла за собой на ковер из мелких лесных незабудок. Потом Дима сидел рядом, смотрел и не мог наглядеться на обнаженную зеленоглазую Шурку, тонущую в мелких синих цветочках.

– Когда мы поженимся? – спросил Дима, глядя ее грудь и живот.

– Никогда, – ответила Шурка и стала одеваться.

– Почему? Разве тебе было со мной плохо?

– Дурачок, ты будешь плавать по морям, а я ждать? Я жить хочу.

Дима, совсем не ожидавший такого ответа, задумался.

– Хорошо, я уйду с флота.

– Ну и что? Ехать к тебе в общагу на край света?

Нашел дуру! Нет, мальчик, пока ты выбьешься в люди, я состарюсь. А жить в другой дыре, пусть даже на самом океане, я не желаю. Я буду жить в Москве.

Шура, лежа на двуспальной кровати Тоньки Куманец, улыбнулась своим воспоминаниям. Да, хорош был парень. Долго он еще потом ходил за ней, умоляя стать его женой и уехать с ним на Дальний Восток.

Но Шурка осталась непреклонна. Были и еще парни.

И все, кого подпускала к себе Шурка, потом становились ее рабами. Ни разу ни один мужик не бросил ее.

Шурка уходила сама. Но то были простые парни. Кто поразвитей, кто попроще. Теперь случай особый.

Шурка прекрасно понимала, что художник на своем веку баб повидал. Тут жопой крутить бесполезно.

Подставишься, конечно, трахнет. А дальше что? Станет смотреть как на одну из своих вещей. Порисует тебя так и эдак – и тю-тю. Потом в своей столице друзьям расскажет, как деревенскую дуру на время командировки завел. Еще посмеются. Нет, тут надо вести себя ой как завлекательно.

Тонька Куманец, разопрев от жары, разметала одеяло, раскинув ноги. Тонька в любую жару спала в ночной рубаше. Даже когда ложилась со своим Федотовым, рубашу не снимала. Ей казалось, спать голой с мужем – верх бесстыдства. Федотов не раз пытался содрать с жены ночную рубашу. Дело доходило до слез. Задирать хоть до носа, раз муж – пожалуйста, а сымать неприлично. Когда Куманец поделилась этим с Шуркой, та долго хохотала и назвала Тоньку душой и монашкой.

– Зачем ты тогда замуж шла? Перла бы в монастырь. Там они все в рубашках делают. Далее купаются.

Шурка потянулась, как кошка, прикрыв свои зеленые глаза, и встала. Надо себя в порядок привести.

Надо свою внешность подать с зацепом. Села за Тонькино трюмо. Вчерашний вечер и ночь утомили – выглядела усталой. Умылась холодной водой – щеки немного порозовели. Встала у зеркала, подтянула живот, покрутилась. Одно Шурка точно знала – ложиться к москвичу в койку нельзя. А вот как свое целомудрие объяснить – пока не знала. Выдавать себя за невинную – подумает, дура. Дожила в девках до двадцати пяти. Или сумасшедшая, или больная...

Шура заколола высокий пучок. Надела забрызганную штукатуркой блузку и новые джинсы. Блузка хорошо вырисовывала Шуркину высокую грудь, а новыми джинсами придется пожертвовать. Пусть станут рабочими. Теперь судьба Шурки решается именно на работе. «Вот что... Захочет, пусть рисует.

Стану перед ним в любых позах сидеть, стоять, что скажет. Захочет голой нарисовать, пускай. Немного поломаюсь и соглашусь. А в койку – нет. Поглядим на столичного кобеля. Так ли уж он хитер. Пока еще ни один мужик от меня не ушел». Шурка успокоилась и принялась будить Тоньку.

Куманец уселась в кровати и, бестолковая со сна, испуганно спросила:

– Ничего не бачу! Что, проспала?

– Нечего тебе бачить. Не проспала. Вставай. Пойдешь в контору, спросишь, где работать.

– А в клубе больше работы нема?

– Ты мне пока в клубе не нужна. Я одна к художнику приставлена. Когда он свою картину закончит, тогда и придете. А пока будешь за меня бригадиром.

Куда направят, там и работайте.

Наконец Тонька протерла глаза:

– Дывлюсь я на тебе, Шура. Идешь робить в таких гарных джинсах?

– Не твое дело, подружка. Мои джинсы, куда хочу, туда и надеваю. Ну пока. Спасибо за хлеб, за соль.

А горилка была и вправду «гарная».

Шура вышла из федотовского коттеджа, осторожно обошла злобную дворовую суку с примесью волчьей крови по кличке Тарзан (почему суку называли Тарзаном, знал только хозяин дома) и смело пошла в клуб.

Шура шла на работу совсем не так, как раньше.

Такой походкой она ходила на танцы. Так ходить Шура училась долго. Она внимательно вглядывалась в телевизор, когда показывали моды. Девушки-манекенщицы ходили особенно. Они не столько показывали костюмы, пальто и платья, сколько демонстрировали свои прелести. Это Шурка сразу поняла.

Сперва у нее получалось смешно: слишком вихляла бедрами. Но постепенно научилась. Деревенские широко шагают, почти по-мужицки, или плетутся, когда гуляют, как старые бабки, мелко перебирая ступнями.

Проходя мимо коттеджа агронома, Шура заметила незнакомого мужика в рубаше навыпуск и тряпочной кепочке. Мужик стоял спиной к улице и с кем-то разговаривал. С кем разговаривал мужик, было непонятно, поскольку, кроме драного пегого кота, что сидел на заборном столбе, никого вокруг не было. «Еще один алкаш в совхозе завелся», – подумала Шура и гордо прошла мимо. Что-то знакомое было в облике алкаша. Шура обернулась и внимательно посмотрела еще раз. Господи! Да это ее художник!

Это действительно был Константин Иванович»

Темлюков, шагая к клубу, заметил кота, который с большим любопытством взирал на приезжего желтыми наглыми глазами.

10

Зинаида Сергеевна сидела за письменным столом своего кабинета уже с полчаса, уставившись в окно выпуклыми линзами очков. Начальник отдела монументальной пропаганды вовсе не думала, как поднять Уровень социалистического реализма на новую идейную высоту. Она вообще не думала о работе. У Зинаиды Сергеевны в жизни произошло несчастье. Ее восемнадцатилетний сын Сережа, ее милый, родной сынок, ее гордость и надежда, ее мальчик тяжело болен.

Зинаида Сергеевна об этом узнала вчера. Причем узнала не от Сережи. Ей позвонила Клавка. Эта мерзкая пустая баба, которую Зинаида Сергеевна в грош не ставила, позвонила ей вчера вечером и попросила о встрече. Зинаида Сергеевна всегда разговаривала с Клавкой, еле сдерживая отвращение. Она хотела положить трубку, потому что Клавка набралась наглости позвонить в одиннадцать часов вечера. Зинаида Сергеевна уже отпустила работницу и хотела принять перед сном ванну. Да, как хотелось шмякнуть трубкой о рычаг. Перед этим несколько жестких слов ледяным тоном. Но Клавка сказала:

– Речь идет о здоровье вашего сына.

Зинаида Сергеевна почувствовала, как у нее подкашиваются ноги и поднимается неприятный холод снизу живота. Она согласилась на встречу. Но принять Клавку у себя дома – это уже верх, предел. Есть границы в жизни человека, за которые преступать нельзя. Они встретились на бульваре, хотя жили в одном доме. Даже при свете тусклого бульварного фонаря Зинаида Сергеевна заметила, что Клавка белая как мел. Клавка пришла на встречу без отвратительных румян и без подведенных глаз. Она только немного подкрасила губы. И от этого ее белое лицо с красными губами казалось еще бледнее. Хотя Зинаида Сергеевна шла на встречу полная тревоги, она не смогла отогнать злорадную мысль, что Клавка без марафета просто старая баба.

– Что случилось? – спросила Зинаида Сергеевна, не здороваясь.

– Вы, Зинаида Сергеевна, только не волнуйтесь.

Это теперь лечится. Лечится, я узнавала. И последствий не остается. Если правильно лечить, у мальчиков даже могут родиться нормальные дети.

– Что, черт возьми, случилось?! – вскрикнула Зинаида Сергеевна. Она сейчас готова была убить Клавку, вцепиться в ее рыжие растрепанные волосы.

Она с трудом сдержалась. – Скажешь ты наконец что-нибудь вразумительное?

– Мой Слава и ваш Сережа подхватили сифилис.

– Что значит подхватили! Что это, насморк? Сифилис – венерическое заболевание.

– Они заразились от одной девочки.

Зинаиде Сергеевне не хватило воздуха. Как?! Ее Сережа, невинный, чистый мальчик, и эта страшная болезнь. Клавка просто ее шантажирует. Скорее всего, ее развратный сын действительно болен. И она хочет впутать в эту грязь ее мальчика.

– Ты все врешь, гнусная баба! Ты не знаешь, на кого напоролась! Я завтра к самому министру пойду.

Я тебя сотру в порошок. Нашла с кем шутить шутики! – Зинаида Сергеевна уже не слышала своего громкого истерического голоса. Не замечала, что в окнах дома напротив загорается свет и на улицу высовываются жильцы. Впервые в жизни Зинаида Сергеевна не владела собой.

– Замолчи, что ты орешь, дура! Не хватает, чтобы о нашем деле судачил весь Тверской бульвар.

С Зинаидой Сергеевной сделалась истерика. Клавка влепила ей пощечину. Зинаида Сергеевна замолчала. Только тихонько всхлипывала. Тенор Сигайло из Большого театра, что жил над Зинаидой Сергеевной, вывел своего дога Лорда на прогулку. Тот тянул его к дереву рядом со скамейкой, где сидели женщины. Тенор только что вернулся со спектакля, и бедный Лорд, много часов удерживающий в себе запасы влаги, сильной струей стал мочиться на заветное дерево.

– Здравствуйте, Зинаида Сергеевна, – смущенно поздоровался тенор с соседкой. – Вы уж простите Лорда. Очень, бедняга, натерпелся.

Здравствуйте, Микола Прокопич, – собрав силы, ответила Зинаида Сергеевна.

Вы уж нас извините, – затараторила Клавка. – У нас тут женские материнские секреты.

– Это вы нас с Лордом извините, – попросил тенор и повел Лорда догуливать вечерний моцион.

– Я все равно не могу поверить, – немного собравшись, повторила Зинаида Сергеевна. – Мой мальчик еще совсем дитя. Это все ваш Славка.

– Мой Славка получил сифилис от девчонки вашего Сергея. И случилось это две недели назад, когда вы уезжали в Прагу.

Зинаиде Сергеевне пришлось узнать, что ее сын, когда она уезжает, уже два года приводит в дом шлюх с улицы Горького на деньги, что Зинаида Сергеевна оставляла ему на культурные развлечения. А в последний раз Сережа решил угостить и друга. Они провели ночь с одной девицей. Случилось, что Славу мать хлопотала на лето в спортивный международный лагерь. Для поездки требуются результаты анализов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.